

Т.В. Смирнова

**ПОДМОСКОВНЫЕ МОНАСТЫРИ ГЛАЗАМИ КНЯЗЯ
Н.С. ГОЛИЦЫНА
(Спасо-Бородинский монастырь и Троице-Сергиева лавра)**

Князь Николай Сергеевич Голицын (1809–1892), известный военный историк, автор 15-томной «Всеобщей военной истории», в 1879–1880 гг. предпринял несколько поездок в подмосковные монастыри. Рассказы об этих поездках были опубликованы им в духовном журнале «Странник» и вышли отдельными брошюрами. Князь побывал в Саввино-Сторожевском, Спасо-Бородинском, Николо-Угрешском, Ново-Иерусалимском монастырях и Троице-Сергиевой лавре¹.

Общим для всех рассказов является стиль повествования. Автор не спешит рассказать о самом монастыре. Он со всеми подробностями описывает путь, говорит о трудностях, с которыми пришлось столкнуться, замечает погоду. И как бы предоставляет читателю возможность странствовать вместе с ним. Вот начало его рассказа о поездке в Бородино².

«2 июля сего года, в 9-м часу утра я поехал из Саввино-Сторожевского монастыря чрез город Звенигород на ближайшую станцию Голицыно Московско-Брестской железной дороги, дабы оттуда проехать до полустанции Бородино той же железной дороги и от нее в Спасо-Бородинский женский монастырь. Переезд мой от Саввино-Сторожевского монастыря до станции Голицыно был весьма приятною для меня прогулкой. Погода была хорошая, а дорога очень удобная, так как от Саввина монастыря до Звенигорода (версты 2) и от Звенигорода до Голицыно (15 верст) устроено шоссе, между двумя последними местами – земством, недавно и очень хорошо. Местность же на всем протяжении (как и везде, где я ни проезжал в Московской губернии) очень живописная, на каждом шагу представлявшая виды владельческих усадеб, сел с церквями, деревень, полей, лугов, рощ и лесов».

Конечно, не все дороги были так хороши. От полустанка Бородино до монастыря князю пришлось ехать в повозке «сначала лесом, а потом полем через деревню Семеновскую, в виду памятника. Но что это была за дорога! В лесу, по пням и глубоким колеям, не иначе можно было ехать как шагом, а далее полем шла обыкновенная деревенская дорожка, извилистая, избитая и, после больших дождей, очень грязная. Странное дело! – подумал я – до полустанции Бородино можно скоро и удобно доехать по железным дорогам со всех концов России, даже самых отдаленных, а от этой полустанции до монастыря, всего полторы версты, с большим трудом и неудобствами». И далее Голицын дает земству советы о том, как сделать дорогу.

Особенность рассказов об этих поездках по монастырям в том, что князь органично включает в текст обширные фрагменты чужих текстов, давая соответствующие ссылки. Так, говоря о возникновении обители, он приводит рассказ основательницы монастыря игуменьи Марии Тучковой, приведенный А.Н. Муравьевым в его статье «Бородино» (1849 г.). В нем упомянута такая, например, подробность: «Не было ограды около нашего домика, и часто мы видали по ночам глаза волков и слышали вой последних».

Но самое сильное впечатление производит рассказ человека, вспоминавшего о поездке в монастырь в 1871 г., также включенный Голицыным в его повествование:

«Вез меня старичок-крестьянин из деревни Семеновской, и я спросил его, помнит ли он что-нибудь о неприятеле? – Он отвечал, что был тогда уже порядочным мальчиком и помнит кое-что сам, но больше помнит понаслышке от своего отца. Впрочем, рассказ его был довольно сбивчив. Подъехав к деревне Семеновской, я спросил, какова у них почва? – Он ответил, что очень плохая, иловатая и тощая, и земля родит худо.

– И вот, – прибавил он, – как после француза-то мы впервой (то есть весной 1813 года) посеяли и думали, что ничего не уродится, ан-нет: такой был хлеб, что сам-сот пришелся, который до рук дошел, а то который и полег.

– А на другой год урожай был такой же?

– Нет, куда! И в половину того уже не было, а там и того меньше, а теперь уж совсем плох!

В 1813 году урожай сам-сот! – замечает Голицын. – Мудрено ли? – какое же лучшее удобрение земли, как не 35 тысяч тел убитых людей и кровь их, и 70 тысяч раненых, да соразмерного тому числа лошадей!».

Не останавливаясь на описании самого монастыря, отмечу лишь, что сравнивая его с Воскресенским в Новом Иерусалиме и Саввино-Сторожевским под Звенигородом, князь отметил, что Спасо-Бородинский произвел на него не менее сильное, глубокое, но совершенно особенное впечатление. Не отличается эта обитель ни древностью основания, ни числом и богатством храмов. Но «имеет в себе столько невыразимо привлекательного и сочувственного сердцу, что нимало не уступает двум соседним старейшим обителям», – писал он.

Исключительно интересно описание поездки Н.С. Голицына в Троице-Сергиеву лавру, так как князь как военный историк подробно разбирает историю осады монастыря в 1608–1610 годах, приводя многочисленные источники и вступая с некоторыми авторами в полемику³. Но хочется сперва все же привести начало рассказа:

«17 июля 1879 года я поехал из Москвы по железной дороге в Троице-Сергиеву лавру. Погода была великолепная, небо ясное, день солнечный и жаркий, местность, прорезываемая железной дорогой, живописная, населенная, обустроенная, особенно при станциях, новыми и красивыми дачами. И два с половиной часа проезда 67 верст от Москвы до Лавры были для меня приятнейшею прогулкой. Вспомнил я старину: в былое время, когда не было у нас не только железных дорог, но даже и шоссейных (кроме одной Царскосельской), летом, бывало, вся дорога от Москвы до Лавры была покрыта пешими богомольцами всяких званий и состояний, всякого возраста и пола, шедших на “богомолье к Троице”, с которого люди более достаточные возвращались уже в повозках на лошадях. Так и я в детстве, с родителями, братьями и сестрами, не раз хаживал в Лавру на богомолье».

Автор сразу сообщает читателю, что заранее ознакомился с литературой о Лавре, сетует на то, что одно из изданий стало ему известно уже после этой поездки, и предупреждает, что им он и будет преимущественно руководствоваться «во избежание неточностей, которые могли бы вкрасться»⁴. Однако он использует и собственные впечатления, делая сравнения с тем, что он видел при более ранних посещениях монастыря. Так, он пишет:

«... оказавшееся у меня свободное время употребил на обозрение наружной стороны Лавры. Здесь я нашел большую перемену против виденного мною в 1863 году. Тогда у самых Святых ворот и по обе стороны их, вне ограды, меня неприятно поразил вид лавочек, вроде ярмарочных балаганчиков, в которых продавались разные разности. Теперь ничего такого уже нет, и хотя перед Святыми воротами все-таки видно еще несколько ларей и лотков со съестными припасами для богомольцев простого звания, но вдоль ограды, с восточной стороны, устроен изящный бульвар с аллеями, отделенный от площади решеткой, а по другую сторону его, у самой ограды, ряд хороших торговых магазинов и лавок».

Но, конечно, Голицын «желал лично удостовериться, какой вид имели теперь, в сравнении со временем осады, местность Лавры и ближайших окрестностей». К сожалению, ему в этом несколько помешало изменение погоды: подул довольно сильный ветер. И далее автор разбирает объяснения событий осады, данные Московским митрополитом Филаретом⁵. Автор приводит большой фрагмент высказывания митрополита, несогласного с А.Н. Муравьевым по вопросу о том с какой стороны польское войско Лисовского осуществляло свои приступы. Митрополит, основываясь на сказании Палицына⁶, полагал, что приступы были с восточной стороны, ибо с западной монастырь огражден оврагом и ручьем. Голицын, разбирая подробно, где находились батареи Лисовского, где был стан гетмана Сапеги и откуда поляки вели подкоп под Пятницкую башню монастыря, считает, что прав историк Д.П. Бутурлин, писавший, что все приступы были произведены не с Востока, а с Запада, Юго-запада и Юга⁷.

Таким образом, он не соглашается мнением митрополита Филарета и считает, что «сказание Палицына, “беспристрастного” и особенно “заочного” описателя осады, может в наше время служить лишь с большою критическою осторожностью, а не безусловным доверием». Автор ссылается при этом на мнение профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, который писал: «Палицыну во многом нельзя верить: он, очевидно, держался одной партии в ссоре, возникшей во время осады между защитниками Лавры, к тому же во время осады он был в Москве, а не на месте»⁸.

«То же можно, более или менее, сказать – продолжает Голицын, – о наших новейших русских историках: Карамзине (особенно) и даже Соловьеве, где только ни пойдет речь о “военных действиях”. Не быв и не будучи военными людьми, они говорят о военных действиях до Петра I со слов летописцев, и их описания этих действий, в военном отношении, более или менее, неудовлетворительны. Военные же историки, руководствуясь их описаниями лишь в известной мере, сами должны, с военной точки зрения, тщательно исследовать источники».

Мы видим, что сам Голицын предстает здесь примером того, как следует историку проштудировать все имеющиеся высказывания других ученых⁹.

Большое внимание уделил князь также обелиску, поставленному митрополитом Московским Платоном в память заслуг монастыря перед Отечеством. Отметил и то, что в 1823 году вокруг этого памятника были поставлены соединенные цепью пушки, служившие для защиты монастыря от поляков¹⁰. Прочувствованные строки посвятил князь гробнице Годуновых:

«Эта уединенная усыпальница Годунова и несчастного семейства его, как бы исключенная из собора [Успенского – Т.С.], возбудила во мне невольное чувство сострадания к ним».

Сетую на кратковременность пребывания в этих святых местах, Голицын заканчивает писание храмов Лавры, Гефсиманского скита и Спасо-Вифанского монастыря словами: «Но я считал себя счастливым и тем, что сподобился быть в знаменитой обители преподобного Сергия, поклониться мощам его и видеть

все, что только можно было в столь короткое время обозреть в Лавре и ее окрестностях».

Несколько строк он посвящает и Сергиеву Посаду:

«Каково же было мое удивление, когда я уже после того узнал из “Путеводителя” князя Долгорукова (изд. в 1872 году по случаю политехнической выставки в Москве, по официальным сведениям)¹¹, что в этом “посаде” до 24000 жителей (а теперь даже 31000 с лишком) в числе которых более 10000 мещан, большей частью крайне бедных, живущих лишь поденною работой по найму, получающих едва 15, 10 и менее копеек в день по причине избытка рук, малого спроса на них, собственной лености и дурной нравственности, и потому никогда не могущих выбиться из своего гнетущего положения. /.../ Словом, это “многолюдный город” под названием “посада” со всеми “достатками” и “недостатками” больших городов, главные из которых в последнем отношении – более 10000 “нищих пролетариев”, которые между местными жителями, да и повсюду пользуются очень дурной славой. И это было бы еще сносно, если бы этот “посад-город” находился подалее от Лавры, но он с двух сторон вплоть примыкает к ней. По ту стороны ограды ее – святыня, и какая еще – мощи преподобного Сергия, а по сию сторону – все, что далеко непристойно ей в таком близком соседстве с нею. По моему убеждению, это поистине прискорбное дело, еще более прискорбное, нежели существование всех вообще других “подмонастырских слобод” возле наших монастырей».

Как отлична эта горестная характеристика Посада от тех впечатлений, которые мы видим у Ивана Шмелева. А ведь Шмелев ребенком побывал в Посаде в то же самое время, что и князь Голицын¹². В чем же дело? Не заметил мальчик той неустроенности жизни рядом со святой Лаврой? Или из Парижа по-другому казалась ему Россия, та Россия, которую потеряли люди, оказавшиеся на чужбине?

Обе книги Н.С. Голицына, на мой взгляд, не потеряли ценности и в наше время и заслуживают переиздания.

-
- ¹ Князя Голицыны. 600 лет служения Москве и Отечеству. М., 2010. С. 130–132.
- ² *Голицын Н.С.* Спасо-Бородинский женский монастырь. [кн. Н.С. Голицын]. – [СПб], 1879.
- ³ *Голицын Н.С.* Троицкая Сергиева лавра. [кн. Н.С. Голицын]. – [СПб], 1880.
- ⁴ Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А.В. Горским в 1841 году с приложениями Архимандрита Леонида. 1879.
- ⁵ [*Муравьев А.Н.*]. Воспоминания о посещении Святыни московской Государем Наследником. СПб, 1838; Он же. Путешествие по святым местам русским. СПб., 1876.
- ⁶ Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное одного же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. М., 1822
- ⁷ *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839.
- ⁸ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история в 2-х томах. Т. I. СПб, 1872. С. 53.
- ⁹ Сам перечень источников, на которые ссылается автор, может быть полезен современным исследователям, пишущим об осаде монастыря.
- ¹⁰ Это ограждение утрачено.
- ¹¹ *Долгоруков В.А.* Путеводитель по Москве и ее окрестностям. /сост. В. Долг-ой. – М.: В.Г. кн. Долгоруков и В.И. Анофриев. 1872.
- ¹² *Шмелев Иван.* Богомолье. Лето Господне. М., 1996.

Опубл.: Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы XXI Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2015.